

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-2-3-161-186

УДК (UDC): 94(470)

*Toyokawa Koichi,
Prof., Department of History and Geography,
Faculty of Arts and Letters,
Meiji University, Tokyo, Japan*

*For citation: Toyokawa Koichi, (2025).
The Dynamics of “Geographical Discoveries”.
in the Early Modern Russia.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue 2-3 (2025), pp. 161-186 (in USA)*

Manuscript received: 30/09/2025

Accepted for publication: 05/11/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

THE DYNAMICS OF “GEOGRAPHICAL DISCOVERIES” IN THE EARLY MODERN RUSSIA

ДИНАМИКА «ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ» РОССИИ ПЕРИОДА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Abstract:

In Catherine the Great’s Instruction (Nakaz) to the Legislative Commission it was clearly stated about the European character of the Russian state: “Russia is a European power”. However, it is necessary to raise the question to what extent did the Russians of the 18th century consider themselves to be Europeans? We consider this specifically by “geographical discoveries (scientific expeditions).”

Focusing on “the scientific expeditions” that developed on a national scale in 18th-century Russia, this study examined the process of the Russian government’s renewed recognition and consolidation of control over the countryside, and the resistance of the Bashkirs to it. This provided an opportunity to consider Russia’s policy of eastward expansion and the academic support it received from intellectual exchanges with other countries and domestic scholarly activity at its core.

Keywords: Catherine II’s *Nakaz* or Instruction, Russian Europeans (Russian-type Europeans), geographical discoveries (scientific expeditions), Bering’s Second Kamchatka Expedition (Great Northern Expedition), general ideas of enlightenment

Аннотация:

В Наказе Екатерины II «КОМИССИИ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ» было ясно заявлено об европейском характере российского государства. В Наказе было написано: «Россия есть Европейская держава». Однако при этом необходимо поднять вопрос о том, в какой степени русские XVIII века считали себя европейцами? Мы рассматриваем об этом конкретнее «географическими открытиями (научными экспедициями)».

Сосредоточившись на «научных экспедициях», которые развивались в национальном масштабе в России XVIII века, это исследование рассматривает процесс нового признания и укрепления контроля российского правительства над сельской местностью, а также сопротивление башкир этому процессу. Это дало возможность рассмотреть политику расширения России на восток и ту академическую поддержку, которую она получала от интеллектуальных обменов с другими странами и внутренней научной деятельности в ее основе.

Ключевые слова: Наказ Екатерины II, русские европейцы (европейцы русского типа), географические открытия (научные экспедиции), Вторая Камчатская экспедиция Беринга (Великая Северная экспедиция), общие идеи просветительства

Введение

Дореволюционный историк Владимир Ключевский (1841-1911) определил рамки периода, называемого новой историей России, применив этот термин для обозначения исторического этапа с начала XVII века до правления императора Александра II (годы правления 1855-81), что примерно соответствует 1613 - 1855 годам. В этот период появляется в виде объективной реальности не только новая династия Романовых. Значительно расширяется территория государства, формируется новая общественная система, на вершине которой стоит новый господствующий слой, состоящий из аристократии и дворянства, а также возникает новая экономическая основа, опирающаяся не только на сельское хозяйство, но и на промышленность³⁴. Это была, по словам Ключевского, Россия периода нового времени и новая история России. Этот термин прижился в научной среде и продолжает использоваться в настоящее время³⁵.

Не вызывает сомнений, что XVIII век стал периодом перехода от «традиционного» к «современному». Однако этот период не был просто временем перехода от старого к новому. Здесь смешивались и соединялись самые разные элементы и тенденции. Наша

³⁴ Ключевский В.О. Сочинения. Т. III. Курс русской истории. Часть. 3. М., 1957. С. 5-10

³⁵ Например, см. также: Куркин И.В. История России. XVIII век. М.: ДРОФА, 2010.

задача не состоит в том, чтобы рассматривать процесс в виде различного рода дихотомий, таких как прошлое - новое и т.д. Потому что это «новое», хотя представлялось как противоположность тому, что было в «прошлой» России, не обязательно закрепилось и продолжало существовать в XIX столетии. Пока мы воздержимся от обсуждения разницы в этих процессах. Сейчас важным является констатация факта наличия реальной просветительской деятельности, реальных изменений в социально-экономической ситуации, а также пространственных, временных и социальных изменений и представлений о них в разных слоях общества³⁶. В России начали обращать внимание на эти перемены именно в XVIII веке. Соответственно, их нельзя считать лишь специфическими проявлениями России. Скорее их следует рассматривать как элемент общеевропейских процессов.

1. Географические экспедиции и сознание европейского человека.

Европеец российского типа.

В Наказе Екатерины II «КОМИССИИ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ» (1767 год) было ясно, недвусмысленно и громко заявлено об европейском характере российского государства³⁷. В статье 6 Главы 1 Наказа было написано: «Россия есть Европейская держава»³⁸. Однако при этом необходимо поднять вопрос о том, в какой степени русские XVIII века (речь идет о знати, которая является основой государственного строительства) считали себя европейцами?

Современный российский историк П.А. Кротов, который активно занимается проблемой строительства русского флота во время Петра I, сделал несколько важных выводов, касавшихся прежде всего Северной войны и победы в ней. В первую очередь он пришел к заключению, что Россия, ставшая в результате победы одной из больших морских держав, реализовывала свою морскую политику в самых дальних уголках мира.

³⁶ Ёроппа киндайси сайко (Переосмысливая историю Европы нового времени) (Под ред. Китахара Ацуси и др.) Токио: Минэруба сэбо, 1983. В особенности представляет интерес Глава 1.

³⁷ Dukes, P. "Introduction." in *Catherine the Great's Instruction (Nakaz) to the Legislative Commission, 1767*, edited by P. Dukes with notes, new translation and bibliography (Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1977), pp. 9-41. По вопросам просветительских идей Екатерины II и критики Наказа Щербатовым, а также о связи Наказа с идеями Монтескье и Беккариа и др. существует следующая литература: *Като Сиро*. Ситерубатофу ни ёру сэнсэй хихан - «дайкунрэй» ни тайсуру «тюсяку» о тюсин ни (Критика абсолютизма Щербатовым – на основе анализа «комментариев» к «Великому Наказу») / Сурабу сэкай то соно сюэн – рэкиси ронсю (Славянский мир и его окружение) Под ред. Ямамото Тосиро. Токио: Наука, 1992.

³⁸ Чечулин Н.Д. (под ред.) Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. СПб., 1907. С. 2.

И в этом можно увидеть уверенные действия русских, претендовавших в это время на то, чтобы их страна играла роль одного из членов Европы³⁹.

В этой связи обратим внимание на проводившуюся в Нью-Йоркской публичной библиотеке в 2003 году выставку «Россия, стремящаяся в мировое сообщество (1453-1825)» и опубликованные по ее случаю материалы, где были представлены многочисленные заслуживающие внимания фотографии, схемы и карты, а также многочисленные вдохновляющие сочинения историков. Среди них заслуживает большого внимания статья Марка Раэфа «Появление европейца русского типа. Россия как полномасштабный партнер Европы», в которой делается общий обзор России XVIII⁴⁰. В действительности выражение «русский европеец» тесно связано с самим понятием «Российская империя», а его использование было в контексте обозначения партнерства с Европой. Это же имел в виду накануне Первой мировой войны для обозначения целей империи бывший министр финансов Сергей Витте (1849-1915), который испытывал серьезные опасения относительно беспорядочно расширявшейся Российской империи. По вопросу о Финляндии он писал: «Ошибки современной политики в отношении подданных нерусского происхождения вытекают из забвения того факта, что со времен Петра Великого мы являемся не Россией, а Российской империей»⁴¹. Марк Раэф писал свою вышеуказанную статью имея в виду именно эти моменты⁴².

³⁹ Кротов П.А. Гангутская Баталия 1714 года. СПб., 1996; *Он же*. Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб., 2014. С. 531.

⁴⁰ Raeff, M. "The Emergence of the Russian European. Russia as a Full Partner of Europe." In Whittaker, C.H. (ed.) *Russia Engages the World, 1453-1825* (Yew York: Harvard University Press, 2003), pp. 119-137.

⁴¹ *The Memoirs of Count Witte*, translated and edited by Sidney Horcave (New York: Routledge, 1990), p. 373. Противоположное Витте мнение выразил С.С. Уваров (1816-1855), служивший министром народного образования в эпоху Николая I. Он подчеркивал азиатский характер России и говорил о значении изучения Азии в России. «Россия, можно сказать, лежит в Азии. Почти со всеми восточными народами она имеет общую сухопутную границу гигантской протяженности. Поэтому с трудом можно поверить, что из всех европейских стран именно Россия меньше всего внимания уделяет изучению Азии» (Сергей Сергеевич Уваров, *Избранные труды*. М., 2010. С. 69). Изначально этот текст был опубликован на французском языке под названием «План азиатской Академии». Также см.: Schimmelpenninck van der Oye, David., *Russian Orientalism* (New Haven and London: Yale University Press, 2010), pp. 156-157. Кроме того, хочется указать также работу Петрухинцева о М.В. Ломоносове, вернувшегося после поездки по Европе и занимавшегося научными исследованиями в Марбургском университете, которого он называет «русским европейцем» (*Петрухинцев Н.Н. «Русский европеец» на пути в науку // Родина. 2011. № 9. С. 32-39*).

⁴² Toyokawa, K. "Russia in the Age of Enlightenment and I.K. Kirilov's Colonial Policy." *Japanese Slavic and east European Studies*, vol. 30, 2009.

С точки зрения восприятия западноевропейской культуры в России (если пользоваться терминологией Разфа о формировании «русских европейцев») большое значение имеет работа Ричарда Вортмана «Материалы экспедиций и вопрос об европейской идентичности русских»⁴³, представляющую собой попытку практического анализа этого вопроса. В ней рассматриваются «географические открытия» России в период «Великих географических открытий» как одно из важнейших свершений империи. Ее темой является вопрос о том, что географические открытия (научные экспедиции) были очень важны для понимания населением того времени имперского характера государства России, его многонациональности и других характерных черт. Посредством их осуществления российское государство и общество приходило к осознанию своего имперского характера, основ своего существования и др.⁴⁴. Исследование этой тематики выводит на понимание того, что делает русских русскими, основ процесса складывания сознания империи, и в конечном итоге к пониманию самими русскими особенностей русского типа государственного развития⁴⁵. Исходя из вышесказанного, следует подчеркнуть, что географические исследования не были просто научным исследованием, а попытками определить ключевые точки, которые давали понимание базовых моментов для определения не только практической политики, но и особенностей имперской системы, которая ее ведет⁴⁶.

⁴³ Wortman, R. "Text of Exploration and Russia's European Identity." In Whittaker, C.H. ed. *op. cit.*, pp. 990-117.

⁴⁴ Относительно образа инородцев, населявших Россию, в глазах ученых 18 века сошлемся на работу Американского ученого Юрия Слезкина. (Sleskine, Yuri, "Naturalists versus Nations: Eighteenth Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity." In Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini eds. *Russia's Orient. Imperial Borderlands and People, 1700-1917* (Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1997)). Также отметим, что английский ученый Дэвид Мун опубликовал об экспедициях работу, в которой анализирует вопросы экологии с современных позиций. (Moon, D. "The Russian Academy of Sciences Expeditions to the Steppes in the Late Eighteenth Century." *Slavonic and East European Review*, vol. 88, No. 1/2, April 2010) .

⁴⁵ По этому вопросу есть следующие работы, увидевшие свет в последнее время. Vulupius, R. 'The Russian Empire's Civilizing Mission in the Eighteenth Century, A Comparative Perspective,' In Uyama, Tomohiko, ed. *Asiatic Russia. Imperial Power in Regional and International Contexts* (London & New York: Routledge, 2012), pp. 13-31. В связи с вопросом об империализме, хочется также отметить работу Такада Кадзуо, в которой проблема анализируется с различных сторон, включая вопросы представлений о России, распространенных среди самих русских. (Например, Такада Кадзуо. *Россия тэйкокурон – 19 сэйки Россия но кокка-миндзоку-рэкиси* (Концепция Российской империи – Русское государство, народ, история в XIX в.), Токио: Хэйбонся, 2012, С. 41-48.)

⁴⁶ По вопросам экспедиций XVIII века и географических исследований хотелось бы обратить внимание на следующие работы: Лебедев Д.М. *Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725-1800 гг.)*. М., 1957. С. 5-60; Александровская О. А. *Становление географической науки в России в XVIII веке*. М.: Наука, 1989. Кроме того, традиции географических исследований, начиная

Также следует обратить внимание на то, что почти за короткий период вышла в свет серия исследований и публикаций источников, подготовленная современным российским историком Сергеем Козловым по проблемам просветительства, в которых затрагиваются также вопросы географических открытий⁴⁷.

В то же время помимо вышеуказанных работ необходимо обратить самое пристальное внимание на работу Такано Акира «Нихон то Росиа (Япония и Россия)», в которой исследуются государственные проекты, реализовавшиеся под руководством Петра I и направленные на изучение Сибири, Дальнего Востока и Курильских островов, включая поиск путей в Японию⁴⁸. Этот фундаментальный труд стал первым исследованием в этом направлении, которое увидело свет почти пятьдесят лет назад и далеко опередило свое время.

Формирование нового сознания и географические открытия

В 1721 году во время празднования Ништадского мира Петр I принял титул императора. Канцлер Гавриил Головкин (1660-1734, канцлер с 1709 г., с 1718 г. президент Коллегии иностранных дел, 1726-30 гг. член Верховного тайного совета, 1731-34 член Кабинета министра) в своей речи в сенате сказал следующее о значении этого символического события. Петр вывел Россию «из тьмы неведения на театр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов»⁴⁹. Эти слова показывают движение из невежества и суеверия к стимулированию науки, более того, эти действия, связанные с преодолением опасности, изучением неизведанных земель и территориальным расширением, поощрялись ведущими политическими силами мира, другими словами, можно сказать, что в них выражались западноевропейские или римские принципы светского господства.

Выдвижение на передовые позиции на мировой арене было связано с заниматься европейскими проектами изучения мира и использованием при этом методов научных исследований. В конце XVII столетия Сибирь являлась объектом пристального внимания европейских ученых и путешественников-исследователей, питавших повышенный

с XVIII столетия, были заложены Императорским географическим обществом (1845-1917). (См. Такада Кадзуо, Указ. соч., С. 373-390.)

⁴⁷ Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб.: Историческая иллюстрация. 2003; Серия: Русский путешественник эпохи Просвещения. Русская провинция Павла Болотова: «Настольная календарь 1787 года». СПб.: Историческая иллюстрация, 2006 и др.

⁴⁸ Такано Акира. Нихон то Росиа (Япония и Россия). Токио: Кинокунья сётэн, 1971.

⁴⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1993. Кн. IX. Т. 17. С. 311.

интерес к вопросам поиска путей в Китай⁵⁰. Голландские и немецкие ученые начали публиковать свои материалы об этом регионе⁵¹.

При Петре I Россия не жалела усилий в этом направлении. Владимир В. Атласов (1661?-1711), известный тем, что встретил японца Денбея, потерпевшего кораблекрушение на Камчатке, состоял в Сибирском приказе и отправился в свой поход на Камчатку как пятидесятник якутских казаков. Хорошо известным фактом является то, что его экспедиция занималась обследованием Камчатки⁵². Можно также привести пример Данилы Я. Анцыферова (г.р. не известен – 1712) и Ивана П. Козыревского (около 1680 - г. смерти не известен), которые занимались обследованием Курильских островов⁵³. Во всех этих случаях экспедиции были частью государственных проектов.

В переписке Петра I и Лейбница (G.W. Leibnitz, 1646-1718) поднимался вопрос о том, соединяются ли Азия и Северная Америка, и император решил найти ответ на этот

⁵⁰ В Японии есть выдающаяся работа, вдохновленной большим интересом к Сибири, фокус которой направлен на прояснение роли европейских ученых в экспедициях и их проведении, и в которой собрано много материалов, которые можно рекомендовать для чтения в качестве популярной литературы. *Като Кюдзо*. Сибэриа ни цукарэта хитобито (Люди, одержимые Сибирью). Токио: Иванами сэтэн, 1974.

⁵¹ Немецкий философ Лейбниц также был очарован Китаем (*Гелье В.И.* Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. С. 600-601) . Р. Вортман в своей работе приводит иллюстрацию №52. Она идет под названием «Очередь перед Великой китайской стеной в Китае» и взята из работы Эверта Избранта Идеса (Адама Бранда) «Путешествие по суше из Москвы в Пекин, занявшее три года» (Лондон, 1703). Родившийся в Голштинии голландский купец Идес с 1677 года жил в России. В 1692 году Петр I отправил его в Цинский Китай для организации торговли между двумя странами на основании подписанного в 1689 году Нерчинского договора, а также оценки договора китайскими властями. Его миссия, продолжавшаяся до 1695 года, имела успех, а его записки были переведены на многие языки. (О нем см.: Wortman, R. "Text of Exploration and Russia's European Identity," p. 92. *Такада Кадзуо*, Указ. соч., С.19, Smith R.E.F. and David Christian, *Bread and Salt. A Social and Economic History of Food and Drink in Russia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1984), p. 230.

⁵² Относительно свидетельств Атласова о Камчатской экспедиции 1697 года, а также свидетельств доставленного им японца по имени Денбей можно сослаться на следующие работы. *Оглоблин Н.Н.* Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском Университете. 1891. Кн. 3. С. 1-18; *Он же*. Первый японец в России // Русская старина. Т. 72. СПб., Окт. 1891. С. 11-24; *Мураяма Ситиро*. Хёрюмин но гэнго – Росиа э но хёрюмин но хогэнгакутэки кокэн (Язык японцев, потерпевших кораблекрушение, - вклад в изучение региональных особенностей языка японцев, унесенных к берегам России). Токио: Ёсикава Кобункан, 1965, С. 3-17; *Такано Акира*. Указ. соч. С. 49-55; Росиа сирё ни миру XVIII-XIX сэйки но нитиро канкэй. Дай сансю (Русско-японские отношения в XVIII-XIX веках по русским источникам. Третий выпуск). Под общ. ред. Хиракава Арата, под ред. Тэраяма Кёсукэ, Хатакэяма Тадаси, Онодэра Утако, Тохоку Адзиа сэнта сосё, №31, 2008, С. 17-23. Кроме того, на мой взгляд немалое количество материалов о Денбее остаются в архиве Сибирского генерал-губернаторства (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 756. Л. 1 и др.).

⁵³ Donnert, Erich, *Russia in the Age of the Enlightenment*, translated from the German by Alison and Alistair Wightman (Leipzig: Edition Leipzig, 1986), pp. 95-96.

вопрос⁵⁴. В 1720 г. Петр дал двум молодым геодезистам Ивану Евреинову и Федору Лужину следующее распоряжение: «Ехать вам до Тобольска и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, куды вам указано, и описать тамошние места, сошлася ль Америка с Азиєю, что надлежит зело тщательно сделать»⁵⁵. Помимо этого годом ранее в 1719 г. он поставил им задачу отыскать путь в Японию и Восточную Индию, и что удивительно, в 1723 г. он отдельно от это предприятия планировал научную экспедицию на Мадагаскар⁵⁶. Однако геодезисты смогли выполнить только часть задачи и представили Петру одну только карту Курильских островов.

Разочарованный Петр, находясь уже на смертном одре, дал свое распоряжение датчанину Витусу Берингу (V.J. Bering, 1681-1741), в котором фактически повторил ту же задачу⁵⁷. Потребовалось три года, пока Беринг добрался до Тихого океана, где предполагалось проводить обследование. Он приступил к строительству в Охотске его судна “Св. Гавриил”, но его первая экспедиция (Первая Камчатская экспедиция 1725-30 гг.) не принесла удовлетворительных результатов, так как не смогла достичь Америки. Однако на экспедиции возлагались не только научные цели. Они также должны были определить направление, в котором могла развиваться политика территориального расширения Российской империи. Это можно увидеть несколько позднее на примере действий Российско-американской компании⁵⁸, но экспедиция Ивана Кирилова в Оренбург, которая стала темой данного труда, также прекрасно это демонстрирует.

Удивительно, но в документах из личного кабинета Петра сохранились записи о планах покупки острова Тобаго в Западной Индии. Этот план предполагал налаживание прямой торговли между Санкт-Петербургом и Латинской Америкой (1721 г.), и в его

⁵⁴ Гелье В.И. Указ. соч. С. 763-765.

⁵⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. IX. Т. 18. С. 516-517.

⁵⁶ Андреев А.И. Экспедиция В. Беринга (приложение: Записка И.К. Кирилова о камчатских экспедициях 1733 г.) // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 75. Вып. 2. 1943. С. 4-5; Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). М.: Росспен. 2014. С. 399-400.

⁵⁷ Относительно инструкции Петра I Берингу (дата которой 5 февраля 1725 года) хотелось бы сослаться на ПСЗ. Т. VII. № 4649. С. 413.

⁵⁸ Относительно Российско-американской компании хотелось бы упомянуть следующие работы последнего времени. Абэ Сэйдзи, Арасука байяку косё (Переговоры о продаже Аляски), Т.1 // Сэйкацу гакуэн танки дайгаку киё. №6, 1962, С.130, а также Моринага Такако, Ирукуцуку сёнин то Кяфута бёки (Иркутские купцы и торговля в Кяхте). Саппоро: Хоккайдо дайгаку сёппанкай, 2010, С. 72-78.

основе лежала идея, что «со временем от одного острова Россия могла бы великую прибыль получить»⁵⁹.

Исполнявший обязанности обер-секретаря Сената, который занимался сбором информации о ситуации внутри страны и за рубежом, а также игравший важную роль в Академии наук в качестве географа Иван Кирилов вполне осознавал все вышеописанные тенденции и поэтому играл важную роль в планировании научных экспедиций. Как следует из результатов исследований Н.Н. Петрухинцева, и план Второй Камчатской экспедиции Беринга, и идеи развития Дальнего Востока через Охотск Кирилова были продуктом длительного обмена мнений между Берингом и Кириловым, что затем дало возможность провести обсуждение в сенате проекта проведения Второй Камчатской экспедиции Беринга.

Вероятно И.К. Кирилов рассчитывал также на сотрудничество с прежним генерал-прокурором и сенатором П.И.Ягужинским (1683-1736, в 1722-26 и 1730-31 гг. генерал-прокурор, с 1735 года член кабинета министров), в подчинении которого находился Сибирский приказ, на подведомственной территории которого должна была проходить экспедиция⁶⁰.

С наступлением 1732 года были внесены окончательные изменения в план Второй Камчатской экспедиции Беринга и завершено проведение согласований в государственных органах, после чего 31 декабря того же года одобренный Сенатом документ был представлен императрице.

Перед экспедицией, разделенной на 8 отрядов, были поставлены 4 основные задачи. Первая, стояла перед «северными отрядами» экспедиции, которые должны были заниматься изучением северных путей под командованием «лейтенантов флота»; Вторая, перед «научным отрядом» - наблюдение за небесными телами в Сибири, составление карт, сбор данных по экономической географии и этнографии; Третья, «японскому» отряду Шпанберга - изучение путей в Японию и Китай, описание островов и береговой линии; Четвертая, «американскому» отряду Беринга – изучение путей в Америку и береговой линии с целью возможности присоединения к России⁶¹. Другими словами, экспедиции было поручено изучение морских путей и возможности достижения Америки, а также изучение и описание наземных путей в Сибири. Академия наук,

⁵⁹ Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого / Пер. с англ. яз. Е.Е. Путятина / Вст. статья, научная редакция и уточнение перевода, примечания П.А. Кротова. СПб., 1999. С. 186, примечание 382.

⁶⁰ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны. С. 400.

⁶¹ Там же. С. 404. А также под общ. ред. Хиракава Арата, Указ. соч. С. 79-92.

замысел создания которой принадлежал Петру I, и создать которую советовал Лейбниц⁶², оказывала поддержку Второй Камчатской экспедиции Беринга, состоявшейся в 1733-43 годах.

Проведение морской экспедиции было сопряжено с огромными трудностями. Для отправки из Тобольска в Охотск, где должно было быть построено судно, всего снаряжения и провианта, было необходимо несколько сотен саней, поэтому экспедиция заняла восемь лет. Берингу удалось добраться до побережья Северной Америки, но он скончался от болезни уже на обратном пути.

Исследования на суше проводились сопровождавшей экспедицию группой ученых, работавших под руководством немецких специалистов - историка Герхарда Фридриха Миллера (G.F. Müller, 1705-1783) и ученого-натуралиста Иоганна Георга Гмелина (J.G. Gmelin, 1709-55). Эти исследования охватывали области географии, ботаники, зоологии, этнографии, фольклора, лингвистики. Миллер привез большую коллекцию копий документов из местного архива⁶³. В четырехтомном сочинении Гмелина «Путешествие по Сибири» (1751-52) основное внимание уделялось ботанике и зоологии, но наравне с этим оно содержит много материалов этнографического характера.

Работы других исследователей, таких как Степан Петрович Крашенинников (1711-55) «Описание земли Камчатки» (1756, в 2-х томах) и Георга Вильгельма Стеллера (G.W. Steller, 1709-46) «Описание земли Камчатки» (1774) стали трудами энциклопедического характера о Камчатке. Важно отметить, что не только собранные коллекции предметов материальной культуры, но и составленные экспедицией карты заложили основы антропологического, исторического, ботанического и зоологического изучения этого региона⁶⁴.

А процессе проведения вышеозначенных экспедиций Россия смогла получить сведения о Японии. Они прежде были связаны со случайными обстоятельствами, обусловленными появлением на Камчатке унесенных стихией японских судов⁶⁵, а теперь

⁶² Гелье В.И. Указ. соч. С. 766-767.

⁶³ По проблеме взаимоотношений Миллера и Академии наук можно сослаться на: Black, J.L. *G.-F. Müller and the Imperial Russian Academy* (Kingston and Montreal: McGill-Queen's University Press, 1986).

⁶⁴ Donnert, *op. cit.*, pp. 99-100; Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966. С. 82-85, 87-93; Robel, Gert, "German Travel Reports on Russia and Their Function in the Eighteenth Century," In Conrad Grau, Sergei Karp, and Jurgen Voss, eds. *Deutsch-Russische Beziehungen im 18. Jahrhundert: Kultur, Wissenschaft und Diplomatie*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997, S. 276-278.

⁶⁵ См. Знаменский, Указ. соч.

были несомненным результатом работы сибирской-камчатской экспедиции. Русские суда впервые появились у японских берегов, и в 1739 г. (Гэмбун 4 по японскому календарю) на японской земле оставили свои следы русские путешественники.

Среди членов Второй Камчатской экспедиции Беринга был также капитан Мартин (Мартын) Шпанберг (M. Spanberg, 1696-1761), под командованием которого четыре корабля 1 июня 1739 года вышли из порта Большерецк на Камчатке с целью найти морской путь в Японию. Из них 3 судна достигли острова Тасиродзима в уезде Осика княжества Сэндай. Там они получили от японцев рис, овощи, табак, в обмен на которые оставили российские деньги и ткани⁶⁶.

Другая часть экспедиции под командованием Вальтона на корабле Св. Гавриил достигла деревни Амацу в уезде Нагаса в провинции Ава (современный Амацу коминато мати в префектуре Тиба), восемь человек из его команды на лодке высадились на берег, получили воду от рыбаков и были накормлены рисом и вином. Корабли пошли дальше на юг и достигли Симода в провинции Идзу, а матросы высадившиеся в этом месте, принесли с собой ветки мандаринового дерева и жемчужные раковины⁶⁷.

Серебряные монеты, полученные от русских, местные власти отправили в столицу Эдо, откуда они были пересланы в Нагасаки, где голландцы пришли к заключению, что они «из Мусковии (Московии)». Говоря иначе, стало понятно, что они из России. Все это в японской литературе получило название «Черные корабли годов гэмбун (Гэмбун но Курофуне)⁶⁸.

Научные тексты как символический элемент Российской империи

Научные тексты о Второй Камчатской экспедиции Беринга (или Великой Северной экспедиции), как часто говорят, были мощным символом, демонстрирующим характер Российской империи. Тщательно составленные схемы и карты, а также сразу переводившиеся на европейские языки тексты трудов участников недвусмысленно показывали, что являлись результатами исследований территории России по европейским стандартам типа, проводившимися самими русскими. Парадоксальность ситуации заключается в том, что эта связь демонстрируется тем, что какими бы ни были руководители экспедиций и авторы текстов (другими словами, какую бы европейскую

⁶⁶ В судовом журнале «Архангела Михаила» есть записи о «подарках» со стороны японских рыбаков. См. Под общ. ред. Хиракава Арата, Указ. соч., С.125.

⁶⁷ В докладе Вальтона Берингу есть записи о плавании «Св. Гавриила» к японским берегам. См. Под общ. ред. Хиракава Арата, Указ. соч., С.138-143.

⁶⁸ *Такано Акира*. Указ. соч., С. 84-89; *Като Кюдзо*. Указ. соч., С. 81-84.

нацию они не представляли), эти экспедиции определяются словом «русские экспедиции». Хорошим примером являются немец Миллер, составивший «Описание морских путешествий по Ледовитому и восточному морю, с российской стороны учиненных» или датчанин Беринг, который также известен как «первый русский мореплаватель»⁶⁹.

Кроме того, эта связь с вопросом о представлениях об империи также просматривается в том, что наравне с европейскими странами, Россия определяла Сибирь в качестве своей колонии. Например, в 1730-е годы российский историк, который также был географом, Василий Никитич Татищев (1686-1750) прочертил линию разграничения между Европой и Азией по Уральскому хребту, и эта точка зрения вскоре была принята многими в Европе. Как отмечает американский географ Марк Бассин (Mark Bassin), «Моментально Сибирь стала определяться, как точно очерченный и четко разграниченный с Европейской Россией регион, который с этого времени также стал рассматриваться как часть Азии»⁷⁰. Другими словами, наступила ситуация, что как бы российское государство захватило и превратило в колонию территорию к востоку от Урала, которая является не Европой, а Азией.

Территориальное мышление и составление карт

Еще одним индикатором европейской идентичности русских было изготовление карт. Петр I, подражая европейским монархам, начинает то, что американский историк Джеймс Кракрафт (James Cracraft) назвал «визуальным захватом» (visual conquest), используя карты для осознания людьми разбросанных территорий как единого государства⁷¹. В этих целях император учреждает Географический департамент для

⁶⁹ Книга Миллера была переведена на английский и французский языки (в данной работе ссылки даются на английское издание Müller, Gerhard F. *Voyages from Asia to America, for Completing the Discoveries of the North West Coast of America*. London, 1761). В ней также есть карта Японии, имеющей на ней очень непривычные очертания с позиций человека современного времени, а также обзор русских экспедиций в Северном ледовитом океане. О Беринге см. *Брокгауз и Ефрон*. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 6. С. 534. Относительно личных представлений и жизни Беринга существуют следующие работы, в которых исследуются материалы, собранные в Архиве Внешней политики России (АВПР). *Охотнина-Линд Н.* «Я и мой Беринг...» (Частные письма Витуса Беринга и его семьи из Охотска в феврале 1740 г.) / Россия в XVIII столетии. Вып. 2 / Отв. ред. Е.Е. Рычаловский. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 177-220.

⁷⁰ Bassin, Mark. "Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century," *American Historical Review* 6, no. 3 (June 1991), pp. 767-770.

⁷¹ Cracraft, James. *The Petrine Revolution in Russian Imaginary* (Chicago: University of Chicago Press, 1997), pp. 272-281; Wolff, Larry, *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment* (Stanford, California: Stanford University Press), 1994, pp. 144-146; Bassin, Mark. "Russia between Europe and Asia," *Slavic Review* 50, no. 1 (Spring 1991), pp. 7-9; Ely, Christopher. *This Meager*

руководства картографированием. Центральной фигурой в нем становится французский астроном Жозеф Никола Делиль (Joseph Nicolas de L'Isle, 1688-1768), который приступил к изготовлению карт в содружестве с русским ученым-географом Иваном Кириловым, о котором уже говорилось выше. «Атлас Всероссийской империи» (1734 г.) Кирилова и «Атлас Российский» (1745 г.), составленный Академией наук, хотя по своей точности уступали европейским картам того времени, стали первыми попытками государства показать размеры, границы и особенности России⁷².

Возможно есть основания утверждать, что как говорил американский исследователь Виллард Сандерленд (Willard Sunderland), русские, так же как и европейские государства того времени, соединяя между собой земли, входившие в империю, развивали «территориальное сознание»⁷³.

В этом отношении в упоминавшемся в начале данного раздела Наказе Екатерины II комиссии по составлению проекта нового уложения делалось громкое заявление о европейском характере Российской империи. Расширение территории империи, наблюдавшееся при Екатерине II, также демонстрировало успехи европеизирующегося российского государства. Империя расширялась территориально на запад и юг, включив в свой состав российскую часть Польши, отделившуюся в результате разделов Польского государства, а также территории на побережье Каспийского и Черного моря. Создается

Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia (Dekalb, Illinois; Northern Illinois University Press, 2002), p.33.

⁷²Эта карта входит в «Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями сочиненный по правилам географическим и новейшим обсервациям, с приложенною при том Генеральною картою великия сея империи, старанием и трудами Императорской академии наук». СПб., 1745. Генеральная карта российской империи. Л. 89-90. Она публиковалась не только на русском, но и на латинском, французском и немецком языках. Автор данного труда видел только русский и немецкий варианты. Также хотелось бы упомянуть следующие работы: *Ивай Норююки*. 1745 нэн Росиа Тэйсицу кагаку гакусиин Росиа тэйкоку тидзу тё ни цуйтэ (Об Атласе карт Российской империи, опубликованном в 1745 г. в Записках Императорской академии наук), «Мадо (Окно)» № 68, 2000, *Тонай Юдзуру*. Хоккайдо дайгаку фудзоку тосёкан оёби сурабу кэнкю сэнта тосёсицу но тидзу корэкусён (Коллекция карт в библиотеках Хоккайдского университета и Центра славянских исследований) // Адзи кэн варудо торэндо. №138, 2007. Кроме того, следует также отметить, что в последнее время увидели свет материалы экспедиции Делиля в Березов в 1740 г. (Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в 1740 г.: Дневник Т. Кенигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля. СПб., 2008). Его проект, направленный в адрес А.П.Волынского (кабинет-министра Анны Иоановны) является важным документом для понимания политики территориального расширения XVIII столетия. (*Крюценок Н.В., Кротов П.А.* Ж.-Н. Делиль о развитии картографии в России (1740) / *Меньшиковские чтения*. Научный альманах. Вып. 3 (10). СПб., 2012. С. 115-120) .

⁷³ Sunderland, Willard, "Imperial Space: Territorial Thought and Practice in the Eighteenth Century," in J. Burbank, Mark von Hagen, and Anatoryi Remnev eds. *Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2007), pp. 33-66.

впечатление, что Россия стремилась не только догнать, но и перегнать своих европейских соперников. Другими словами, за счет включения большего числа народов в свой состав стать самой исключительной империей в Европе. Незадолго до 1797 г. экономист Генрих Шторх (H.F.v. Storch, 1766-1835) выразил следующее мнение. «Не существует другой такой страны, в которой бы смешаны и которая включала бы такие различные народы. Русские и татары, немцы и монголы, финны и народы тунгусской ветви, все они разделены большими расстояниями и живут в качестве граждан одного государства в наиболее развитых районах, в силу политической ситуации ведущих совместное существование (сокр.)». Далее он приходит к следующему выводу. Увидеть такое множество национальностей, объединенных в одно государство «это абсолютно редкое явление. В мировой истории бесполезно искать второй такой пример»⁷⁴.

1. Российские географические открытия.

Экспедиции Палласа и Георги

В 1768 г., когда в связи с уничижительными оценками России Жана Шаппа д'Отроша (Jean Chappe d'Auteroche, 1722-69), католического пастора и французского астронома, негативно высказывавшегося о России, Екатерина II дала Академии наук распоряжение провести обследование различных регионов⁷⁵. Научные исследования Академии наук проводились силами влиятельных ученых немецкого происхождения. Они в течение 6 лет проводили обширное и детальное изучение различных регионов империи и оставили много работ, в которых затрагивали различные сферы гуманитарных исследований, включая географию и экономику регионов.

Наиболее значительным можно признать вклад сибирской экспедиции немецкого ученого Петра Симона Палласа (P.S. Pallas, 1741-1811), проведенной в 1768-74 годах. Паллас совершил путешествие по Уральскому региону, Алтайскому краю и Казахстану. В результате им были написаны такие труды как «Путешествие по разным местам российского государства» (1771-76), «Собрание исторических сведений о монгольских народах» в 2-х томах (1776-80), «Сравнительный словарь всех

⁷⁴ Kappeler, Andreas, *The Russian Empire: A Multiethnic History*, translated by Alfred Clayton (Harlow, England: Pearson Education, 2001), p. 141.

⁷⁵ Описание экспедиции д'Отроша содержится в работе: d'Auteroche, Chappe, *Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761*, vol. 1-2, Paris, 1768 (Краткий перевод опубликован Нагаи Фумио под названием «Сибэриа рёкоки» (Записки о путешествии в Сибирь), Токио: Иванами сётэн, 1991. О реакции императрицы Екатерины на предложения д'Отроша и дальнейших его исследованиях см.: Levitte, M.C. "An Antidote to Nervous Juice; Catherine the Great's Debate with Chappe d'Auteroche over Russian Culture," *Eighteenth-Century Studies*, vol. 32, no.1, Nationalism (Fall, 1998), pp. 49-63; Козлов С.А. Указ. соч., С. 30-36.

языков» (1787-89), которые были изданы на немецком, французском, английском и русском языках. Нарратив, содержащийся в вышеуказанных сочинениях, включал наблюдения не только относительно обычаев и традиций народов, которые встречались ему, но и растений, животных, руд и минералов⁷⁶. Его тщательно иллюстрированные книги по зоологии России стали заметным явлением в науке XVIII столетия. Сверх того, его «Словарь» содержит массив из более 270 японских слов, составление которого проходило под наблюдением унесенного стихией от берегов своей страны японца Дайкокуя Кодаю, который как раз в это время пребывал в Санкт-Петербурге⁷⁷.

Один из членов экспедиции Иоганн-Готлиб Георги (J.G. Georgi, 1729-1802) опубликовал во второй половине 1770-х годов на немецком и французском языке монументальное четырехтомное сочинение «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, и прочих достопамятностей» (1775-76, первоначально опубликовано на немецком языке, русский перевод вышел в свет в 1779 г.). Это исследование основывалось не только на использовании сочинений предшественников, таких как Миллер, Гмелин, Крашенинников, Паллас, но также на собственных наблюдениях.

Георги для классификации народов, населявших империю, использовал методологию естественных наук, основанную на идеях Карла Линнея (Carl von Linné, 1707-78), для которой основным критерием были лингвистические признаки. Тексты, написанные Георги, давали понять, что Российская империя имеет больше региональных особенностей, чем другие страны. По его мнению, никакая другая страна мира не имела столь большого количества различных народов, сохранившихся народных обычаев, а также не обладала таким количеством колониальных владений. Он пишет, что «нет на оном (земном шаре Прим. перев.) ни одного такого, которое вмещало бы в себе столь великое множество различных Народов, как Российская Держава»⁷⁸.

Общие идеи просветительства

Следует также обратить внимание на тот факт, что Георги и другие ученые, участвовавшие в экспедициях Академии наук, также как Екатерина II, разделяли идеи просветительства. Другими словами, идею о том, что люди все одинаковы и все обладают разумом. При этом утверждая, что разум формируется в процессе воспитания и

⁷⁶ Robel, G. "German Travel Report." pp. 278-279; Donnert, *op. cit.*, pp. 110-111.

⁷⁷ Анализ японских слов «Словаря» Палласа см.: *Мураяма Ситиро*. Указ. соч., С. 225-236.

⁷⁸ *Токарев. С.А.* Указ. соч., С. 103-106.

образования. Воспитание идет сверху, в результате происходит стирание различий между народностями. На ранних стадиях, например, народы, такие как тунгусы и чукчи, были просты и несведущи, и имели обманчивую чистоту. Однако «единообразность учреждения Государства» или единство государственной организации превращают всех, включая этнических русских, в русских с европеизированным воспитанием. В итоге Георги приходит к следующему выводу. Государство «приближает грубых народов наших к единой меж всеобщего России просвещения, соединения чудесного во едино тело и едину душу и, так сказать, сплавления во Исполна, непоколебимого сотнями веков»⁷⁹.

Помимо вышеописанных научных экспедиций, вероятно, также следует обратить внимание на оригинальные идеи складывания русской идентичности Михаила Васильевича Ломоносова (1711-65), а также на записки Григория Шелехова (1747-95) и Гавриила Сарычева (1763-1831). В любом случае русские экспедиции XVIII-го века сыграли большую роль с точки зрения в формировании у русских людей собственных представлений о том, каким государством является Российская империя и, в частности, понимания собственной идентичности, основанной на влиянии идей просвещения как «европейцев российского типа».

3. Ситуация в «открытых» регионах.

Покорение Сибири, Дальнего Востока, Камчатки

Определенно экспедиции не были просто научным исследованием и были важны с точки зрения осознания российским государством себя как империи, а также понимания существенных ключевых факторов, которые следовало учитывать при выработке политики. При этом в истории регионов такие экспедиции имели последствия самого разного свойства. Ясно, что фоном для проведения таковых исследований было территориальное расширение империи, и соответственно не только изучение растений, животных, руд и минералов, но и желание приобретения колоний в соответствии с политикой меркантилизма, ставившей своей целью развитие и покорение новых земель

⁷⁹ *Георги. И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновенный, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповедания и других достопамятностей. В четырех частях. СПб., 1799; Knight, Nathaniel, "Constructing the Science of Nationality: Ethnography in Mid-Nineteenth Century Russia," Ph.D. Dissertation, Columbia University, 1995, pp. 32-40 (Цитата приводится по работе Найта).

на востоке. В этой связи попробуем продемонстрировать это на примере Камчатки, попутно кратко познакомив читателя с некоторыми прошлыми работами автора⁸⁰.

Непосредственные побудительные мотивы покорения Камчатки были связаны с кризисом внутренней экономики, вызванным длительной Северной войной и другими явлениями первой половины XVIII столетия. Правительство, которое не могло покрыть расходы за счет прямых и косвенных налогов, обратило внимание на товары, имевшие хороший экспортный потенциал, в частности на сибирские меха (например, соболя и бобра), о чем хорошо известно из переговоров английского посольства и Ивана IV.

Реальностью является то, что в приказах, распоряжениях и инструкциях для работавших в окраинных регионах чиновников русское правительство выражало агрессивные намерения подчинить эти регионы. Например, в одной инструкции говорилось следующее: Хотя инструкции упоминают о «призыве новых людей в ясачный платеж ласкою», но тут же прибавляют, что «которые иноземцы под его царского величества высокодержавную рукою быть не похотят ясаку великого государя платить не учинут и учинут чинити противное, поступать с ними воинским подением, сколько милосердный бог помощи подаст»⁸¹.

Русские с их огромной военной мощью, превосходящей другие народы, приступили к покорению всего региона. Этот процесс имел свои особенности в Сибири, на Дальнем Востоке и на Камчатке. В результате сбор ясака с инородцев, являвшегося своего рода данью, оказал невиданное прежде разрушительное влияние на народы региона. В некоторых случаях доходило до того, что предавались смерти все взрослые мужчины, а женщины и дети изгонялись из своих селений. Такие покорители или «первооткрыватели» земель, занимавшиеся их освоением, имели также склонность отходить от своих обязанностей и использовать свое служебное положение в целях личной выгоды. Уже упоминавшиеся Атласов и Анциферов, а также Паруцкий и Петровский являются в этом отношении яркими примерами. В те времена они служили мелкими административными чиновниками (приказчиками) Сибирского приказа, а иногда были даже имели еще более мелкий ранг.

В соответствии с одним докладом, направленным в Москву, административные чиновники «имели мало опыта», «невозмутимо убивали инородцев», «в целях

⁸⁰ Работа автора «Росиа но тохо сёкумин то сёминдзоку сихай» (Восточные колонии России и управление ее народами), в сб. «Кодза сурабу сэкай II. Сурабу миндзоку» (Лекции по теме славянского мира, Славянские народности), Т.2, Под ред. Хара Тэруюки и Ямаути Масаюки, (Токио: Кобундо, 1995), С. 27-58. См. также Список литературы и приложение к этой работе.

⁸¹ *Сергеев М.А.* Камчаткий край. М., 1934. С. 16.

собственной выгоды или для развлечения» убивали «доверчивых инородцев». В участии в таких грабежах были замечены не только административные чиновники, но и казаки, купцы и даже проповедники, присланные для распространения христианской веры.

Основной целью вышеуказанной колониальной эксплуатации было получение пушнины, которое основывалось на системе сбора ясака, заключавшейся в сборе налогов в натуральной форме в виде продуктов местного производства. В записках английского дипломата Дж. Флетчера (Jiles Fletceher, 1548-1611), посетившего Россию, говорилось, что в конце XVI века сибирские меха составляли значительную часть доходов Московского правительства⁸². В XVII столетии эта зависимость еще более увеличилась. Если вышеуказанное явление было особенностью всей Сибири, то в таких труднодоступных районах, как Камчатка, и в районах побережья Охотского моря, которые были на значительном расстоянии от Москвы и Санкт-Петербурга, они были выражены особенно заметно.

Можно назвать характерным примером жестокого обращения с аборигенами поведение Атласова по отношению к камчадалам (собственное название ительмены). Оно вызвало твердое сопротивление аборигенов, но Атласов с особой жестокостью подавил его. В этом случае причиной восстания были три основных фактора, таких как система сбора ясака, принудительное обращение в христианскую веру и система крещения, формировавшая рабские отношения между крестителем и крещеными. Обо всем этом говорится подробно в моих предыдущих исследованиях, поэтому позвольте здесь ограничиться только этими замечаниями.

Жившие в этом регионе народы после попыток сопротивления и поражения покорялись завоевателям, но они продолжали борьбу за изгнание русских и за свою свободу. Другими словами, весь период до окончательного присоединения Камчатки к России юкагиры, камчадалы, коряки и чукчи продолжали ожесточенную борьбу против русских завоевателей. Особенно заметными в этом отношении были действия камчадалов на Камчатском полуострове и коряков с чукчами к северу от него. Более того, следует обратить внимание на тот факт, что камчадалы и чукчи продолжали сопротивление и в XIX столетии.

⁸² *Флетчер Дж.* (перевод с английского М.А. Оболенского) *О государстве русском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны.* М., 2014. 4-е изд. С. 48.

Европеизация (русификация) окраин (Башкирия)

Относительно процесса европеизации, который Российская империя ставила своей целью, можно отметить, что он затрагивал не только Сибирь, но и другие регионы. У американского историка Чарльза Стейнведела (Ch. Steinwedel) есть работа, которая озаглавлена: «Как Башкирия стала частью европейской части России»⁸³. В соответствии с ее содержанием, в Башкирии после присоединения к России, посредством создания при Екатерине II духовного собрания в Оренбурге и реализации создания кантонной системы «к 1881 году в западной части Башкирии Уфимская губерния, где была наибольшая плотность населения, приобрела системные элементы ядра европейской части империи». При этом «важным является то, что государство расширилось за пределы центральных губерний Империи в результате применения политических и административных мер. Это позволяло элите управлять народом, не полагаясь на чисто силовые методы, как это было в сходных районах в восточной части страны». Такая европеизация Башкирии всегда рассматривалась как срочная необходимость. Далее говорится: «Екатерина II демонстрировала просвещенную культуру Санкт-Петербурга и давала наставления персоналу дворянского и не дворянского происхождения, что Башкирию возможно инкорпорировать в европейскую часть России. При Александре I и Николае I основное внимание правительства уделялось тщательной регламентации деятельности государственных ведомств. При Александре II стандартом того времени было распространение новых форм администрирования европейского типа, что закладывало основы для сближения с Европой. При этом в конце правления Александра II вмешательство центральных властей скорее производилось в интересах потерявших землю башкир, чем было направлено на защиту особых прав местной элиты, имевшей особые права и поддерживаемой Н.А.Крыжановским (1818-1881), который занимал пост оренбургского генерал-губернатора в 1866-81 годах. Таким образом просветительство эпохи Екатерины II, предоставление башкирской знати прав владения землей, все это во времена Александра II стало уже рассматриваться «как элементы в политике властей, которые стали угрожать стабильности в регионе»⁸⁴.

Это очень содержательное утверждение, однако реальная действительность в регионе не была столь простой, как следует из утверждения Стейнведела. Его рассуждения переносятся разом из XVI столетия, когда происходило включение

⁸³ Steinwedel, Ch. "How Bashkiria Became Part of European Russia, 1762-1881", In J. Burbank, Mark von Hagen, and A. Remnev. eds. *op. cit.*, pp. 94-124; cf. idem. *Threads of Empire: Loyalty and tsarist in Bashkiria, 1552-1917* (Bloomington: Indiana University Press, 2016), pp. 46-47, 67.

⁸⁴ idem. "How Bashkiria Became Part of European Russia, 1762-1881", pp. 111-113.

Башкирии в состав российского государства, во времена Екатерины II. При том, что в реальности весь XVIII век, когда происходил процесс включения Башкирии в состав европейской России, был сложным и важным этапом для самого российского государства и его регионов. Более того, не вполне ясно, являлось ли включение в европейскую часть России основной проблемой для региона или нет. Также представляет интерес вопрос о том, на сколько фоном идей организации господства в Башкирии был серьезный интерес царского правительства к Азии и реализация его целей Азиатском регионе⁸⁵.

Заключение

В России в XVIII веке усилиями Академии наук, которая для проведения исследований организовывала научные экспедиции, началось детальное изучение особенностей государства, связанных с многонациональностью и размерами территории. Эти экспедиции сыграли важную роль в понимании того, каким государством является Россия, в том числе, в какой степени сами русские являются «европейцами», находящимися под влиянием идей Просвещения.

В конце XVII века Сибирь попала в сферу внимания ученых и путешественников, занимавшихся поиском путей в Китай. Голландские и немецкие ученые начали печатать публикации об этом регионе, после чего работа в этом направлении начала проводиться в России. Исследования Атласова, Анцыферова, Козыревского и Беринга находились в русле этой тенденции. Затем их результаты были отражены в работах Миллера и Гмелина. Крашенинников и Стеллер оставили потомкам описание Камчатки, имеющее энциклопедический характер. Наиболее важным вкладом эпохи Екатерины II стали труды Палласа. При этом следует обратить внимание, что еще работы Георги показали, что Российская империя далеко превосходит другие территории по разнообразию происходящих здесь перемен. Экспедиции Академии Наук позволили собрать не только коллекции материальных объектов, но и стали основой для последующих гуманитарных, исторических, ботанических и биологических исследований.

Одновременно следует отметить в качестве важного момента, что научные тексты экспедиций стали ярким символом имперского характера России. Работы были снабжены детальными рисунками и картами, а их перевод на европейские языки осуществлялся в минимальные сроки, что показывало, что проводившиеся русскими

⁸⁵ Ранее цитировавшаяся работа автора «Росия тэйкоку миндзоку того си но кэнкю» (Исследования по истории объединения народов в Российскую империю – Колониальнаф политика и башкиры). Хоккайдо: Хоккайдо дайгаку сюпанкай, 2006, С. 186-203.

экспедиции являются частью европейских усилий и находятся в русле основных европейских имперских тенденций. Фактически, руководство экспедициями осуществлялось не самими русскими, а другими европейцами. Появление интереса к открытию водного пути в Японию в России в ходе таких экспедиций вполне укладывается в рамки этого описания.

Еще одним элементом формирования русской идентичности было составление карт. С самого начала процесса «визуального захвата со стороны русских» Петр I по образцу европейских монархов стал заниматься составлением карт, что диктовалось представлениями, что государство является набором территорий. Для реализации этой цели царем было создано картографическое бюро. Составленные в сотрудничестве с французским астрономом де Лилем «Атлас Всероссийской империи» и «Атлас Российский», хотя и уступали в точности европейским картам того времени, стали первыми государственными проектами, призванными показать географические размеры, границы и особенности России. Если считать, что в России был «век экспедиций и исследований» или «век путешествий», когда в стране рождалось новое пространственное сознание, то все вышесказанное совсем не будет выглядеть удивительным.

В такой атмосфере в первой и последней четверти XVIII века в России было выработано новое направление региональной политики. В Южно-Уральском регионе, который с середины XVI века стал частью российского государства, про которую трудно было утверждать, что она полностью была интегрирована в административную систему, начала создаваться новая система управления. Петром I в ходе реформ местного управления руками государственной бюрократии были созданы новые административные органы и сформировано региональное сообщество, соответствующее новой Российской империи. Общий курс был определен Генеральным регламентом 28 февраля 1720 г. Другими словами, в региональной администрации был взят курс на ориентацию не на географические или исторические принципы организации, а на функциональные. Фундаментом региональной администрации были чиновники различного уровня.

References:

1. Encyclopedia Brokgauz i Efron, *Entsiklopedicheskii clovar'*, vol. 6, (Sankt Petersburg, 1892).
2. Archival materials: Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnykh aktov v Moskve. F. 214. Op. 5. D. 756.

3. Published materials: «Atlas Rossiiskoi, sostoiashcii iz deviatnadsati spetsial'nykh kart, predstavliaiushchikh Vserossiiskuiu imperiiu s pograniichinichnymi zemliami sochinennyi po pravilam geograficheskim i noveishim observstsiism, s prilozhennoiu pri tom General'noiu kartoiu velikiia seia imperii, staraniem i trudami Imperatorskoi akademii nauk» (Saint Petersburg, 1745).
4. d'Auteroche, Chappe, *Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761*, vol. 1-2, Paris, 1768 (Kratkii perevod opublikoban Hagai Fumio (*Zapiski o puteshestvii v Sibir'*) (Tokyo: Iwanami shoten, 1991).)
5. Chechulin N.D. ed., *Nakaz Imperatritsy Ekateriny II, dannyi Komissii o sochinenii novogo ulozheniia* (Saint Petersburg, 1907).
6. Fletcher G. (perevod s angliiskogo M.A. Obolenskogo) *O gosudarstve russkom, ili obraz pravlenia russkogo tsaria (obyknovenno nazyvaemogo tsarem moskovskim), s opisaniem npravov i obychaev zhitelei etoi strany* (Moscow, 2014).
7. Gerhard F. *Voyages from Asia to America, for Completing the Discoveries of the North West Coast of America* (London, 1761).
8. *Materialy ekspeditsii Zh.-N. Delilia v Berezov v 1740 g.: Dnevnik T. Knipfel'sa i perepiska Zh.-N. Delilia* (Sankt Petersburg, 2008).
9. *The Memoirs of Count Witte*, translated and edited by Sidney Horcave (New York: Routledge, 1990).
10. Polnoe sobranie zakonov rossiiskoi imperii. Seriia 1-aia. vol. VII. № 4649.

Secondary sources:

1. Abe Seiji, "Arasuka baikyaku kosyo (Peregovory o prodazhe Aliaski)", No.1, *Seikatu Gakuen tanki daigaku kiyo*, №6, 1962.
2. Aleksandrovskaia O.A. *Stanovlenie geograficheskoi nauki v Rossii v XVIII veke* (Moscow: Nauka, 1989).
3. Andreev A.I., "Ekspeditsiia V. Beringa (prilozhenie: Zapiska I.K. Kirilova o kamchatskikh ekspeditsiakh 1733 g.)", *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestvs*, vol. 75, no. 2, 1943.
4. Bassin, Mark, "Russia between Europe and Asia," *Slavic Review* 50, no. 1 (Spring 1991).
5. Idem, "Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century," *American Historical Review* 6, no. 3 (June 1991).
6. Black, J.L. G.-F., *Müller and the Imperial Russian Academy* (Kingston and Montreal: McGill-Queen's University Press, 1986).
7. Cracraft, James, *The Petrine Revolution in Russian Imaginary* (Chicago: University of Chicago Press, 1997).

8. Den' D., (Per. s angl. iaz. E.E. Putiatina / Vct. stat'ia, nauchnaia redaktsiia i utochnenie perevoda, poromechanical P.A. Krotova) *Istoriia Rossiiskogo flota v tsarstvovanie Petra Velikogo* (Saint Petersburg, 1999).
9. Dukes, P., "Introduction." in *Catherine the Great's Instruction (Nakaz) to the Legislative Commission, 1767*, edited by P. Dukes with notes, new translation and bibliography (Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1977).
10. Donnert, Erich, *Russia in the Age of the Enlightenment*, translated from the German by Alison and Alistair Wightman (Leipzig: Edition Leipzig, 1986).
11. Ely, Christopher., *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia* (Dekalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2002).
12. Gel'e V.I., *Leibnits i ego vek. Otnosheniia Leibnitsa k Rossii i Petru Velikomu* (Saint Petersburg: Nauka, 2008).
13. Iwai Noriyuki, "1745 nen Rosia Teikoku Kagaku gakusin Rosia Teikoku tizu chon i tuite (Ob Atlase kart Rossiiskoi imperii, opublikovannom v 1745 g. v Zapiskakh Imperatorskoi akademii nauk)", *Mado (Okno)*, № 68, 2000.
14. Kappeler, Andreas, *The Russian Empire: A Multiethnic History*, translated by Alfred Clayton (Harlow, England: Pearson Education, 2001).
15. Kato Kyuzo, *Siberia ni tukareta hotobito (Liudi, oderzhimye Sibir'iu)* (Tokyo: Iwanami shoten, 1974).
16. Kato Siro, *Sicherubatohu ni yoru sensei hihan - «daikunrei» ni taisuru «chusyaku» o chusin ni (Kritika absoliutizma Shcherbatovym – na osnove analiza «kommentariiev» k «Velikomu Velikomu Nakazu»)*, *Sulabu Sekai to sono shuhen – rekisi ronshu (Slavianskii mir i ego okruzhenie)*, Под ред. Yamamoto Tosiro (Tokyo: Nauka. 1992).
17. Knight, Nathaniel, "Constructing the Science of Nationality: Ethnography in Mid-Nineteenth Century Russia," Ph.D. Dissertation, Columbia University, 1995.
18. Kozlov S.A., *Russkii puteshestvennik epokhi Prosveshcheniia* (Saint Petersburg: Istoricheskaiia illiustratsiia, 2003).
19. Idem, *Russkaia provintsii Pavla Bolotova: «Nastol'naia kalendar' 1787 goda»* (Saint Petersburg: Istoricheskaiia illiustratsiia, 2006).
20. Krotov P.A., *Gangutskaia Bataliia 1714 goda* (Saint Petersburg, 1996).
21. Idem, *Bitva pod Poltavoii. Nachalo Velikoi Rossii* (Saint Petersburg: Fond sodeistviia restavratsii pamiatnikov istorii i kul'tury, 2014).
22. Lebedev D.M., *Ocherki po istorii geografii v Rossii XVIII v. (1725-1800 gg.)* (Moscow, 1957).

23. Levitte, M.C., “An Antidote to Nervous Juice; Catherine the Great’s Debate with Chappe d’Auteroche over Russian Culture,” *Eighteenth-Century Studies*, vol. 32, no.1, Nationalism (Fall, 1998).
24. Moon, D., “The Russian Academy of Sciences Expeditions to the Steppes in the Late Eighteenth Century.” *Slavonic and East European Review*, vol. 88, no. 1/2, April 2010.
25. Morinaga Takako, *Irukutuku shonin to Kyahuta boeki (Irkutskie kuptsy i torgovlia v Kiakhte)* (Sapporo: Hokkaido daigaku shuppankai, 2010).
26. Ogloblin N.N., “Dve «skaski» V.I. Atlasov ob otkrytii Kamchatki”, *Chteniia v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom Universitete*, vol. 3, 1891.
27. Idem, “Pervyi iaponets v Rossi”, *Russkaia starina*. vol. 72. Saint Petersburg, Okt. 1891.
28. Okhotnina-Lind N., “«Ja i moi Bering...» (Chastnye pis'ma Vitusa Beringa I ego cem'i iz Okhotska v fevrale 1740 г.)” *Rossiiia v XVIII stoletii*. vol. 2 / Otv. red. E.E. Rychalovskii (Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2004).
29. Petrukhinysev N.N., “«Russkii evropeets» na puti v nauku”, *Rodina*, 2011. № 9.
30. Idem, *Vnutrenniaia politika Anny Ioannovny (1730-1740)* (Moscow: Rosspen, 2014).
31. Raeff, M., “The Emergence of the Russian European. Russia as a Full Partner of Europe”, In Whittaker, C.H. (ed.) *Russia Engages the World, 1453-1825* (Yew York: Harvard University Press, 2003).
32. Robel, Gert, “German Travel Reports on Russia and Their Function in the Eighteenth Century”, In Conrad Grau, Sergei Karp, and Jurgen Voss, eds. *Deutsch-Russische Beziehungen im 18. Jahrhundert: Kultur, Wissenschaft und Diplomatie* (Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997).
33. Sergeev M.A. *Kamchatskii krai*, Moscow. 1934.
34. Schimmelpenninch van der Oye, David, *Russian Orientalism* (New Haven and London: Yale University Press, 2010).
35. Sleskine, Yuri, “Naturalists versus Nations: Eighteenth Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity.” In Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini eds. *Russia's Orient. Imperial Borderlands and People, 1700-1917* (Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1997).
36. Smith R.E.F. and David Christian, *Bread and Salt. A Social and Economic History of Food and Drink in Russia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1984).
37. Solov'ev S.M., *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* (Moscow: Mysl', 1993), vol. IX. no. 17; vol. IX. no. 18.

38. Steinwedel, Ch. "How Bashkiria Became Part of European Russia, 1762-1881", In J. Burbank, Mark von Hagen, and A. Remnev (eds.), *Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2007).
39. idem. *Threads of Empire: Loyalty and tsarist in Bashkiria, 1552-1917* (Bloomington: Indiana University Press, 2016).
40. Sunderland, Willard, "Imperial Space: Territorial Thought and Practice in the Eighteenth Century," in J. Burbank, Mark von Hagen, and Anatoryi Remnev (eds.), *op. cit.*
41. Takada Kazuo, *Rosia teikokuron – 19 seiki Rosia no kokka-minzoku-rekisi (Kontseptsiia Rossiiskoi imperii – Russkoe gosudarstve, narod, istoriia v XIX v.)* (Tokyo: Heibonsha. 2012).
42. Takano Akira, *Nihon to Rosia (Iaponiia i Rossiia)* (Tokyo: Kinokuniya shoten. 1971).
43. Tokarev S.A. *Istoriia russkoi etnografii* (Moscow, 1966).
44. Tonai Yuzuru, "Hokkaido daigaku fuzoku toshokan oyobi sulabu kenkyu senta toshositu no tizu korekushon (Kollektsiia kart v bibliotekakh Hokkaidского universiteta i Tsentra slavianskikh issledovaniia)", *Aji ken warudo tornado (Mezhdunarodnaia tendentsiia po izucheniia o Azii v nauchno-issledovatel'nyi institute)*. №138, 2007.
45. Toyokawa Koichi, "Rosia no toho shyokuminn to shominzoku seisaku (Vostochnye kolonii i upravlenie ee narodoami)", in ed. Hara Teruyuki i Yamauti Masayuki, *Koza sulabu sekai II. Sulabu minzoku (Lektsii po teme slavianskogo mira, Slavianskie narodnosti)*, vol.2 (Tokyo: Kobundo. 1995).
46. Idem, "Russia in the Age of Enlightenment and I.K. Kirilov's Colonial Policy." *Japanese Slavic and east European Studies*, vol. 30, 2009.
47. Idem, *Rosia Teikoku minzoku togo si no kenkyu – shokumin seisaku to basikirujin (Issledovaniia po istorii ob'edineniia narodov v Rossiiskuiu imperiiu – kolonial'naia politika i bashkiry)* (Sapporo: Hokkaido daigaku shuppankai, 2006).
48. Uvarov Sergei Sergeevich, *Izbrannye trudy* (Moscow, 2010).
49. Vulupius, R., "The Russian Empire's Civilizing Mission in the Eighteenth Century, A Comparative Perspective", in Uyama T. (ed.), *Asiatic Russia. Imperial Power in Regional and International Contexts* (London & New York: Routledge, 2012).
50. Wolff, Larry, *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment* (Stanford, California: Stanford University Press, 1994).
51. Wortman, R. "Text of Exploration and Russia's European Identity." in Whittaker, C.H. ed. *op. cit.*, pp. 990-117.

Information about the Author:

Toyokawa Koichi (Tokyo, Japan) — *PhD. (History and Area Studies), Prof., Department of History and Geography, Faculty of Arts and Letters, Meiji University, Tokyo, Japan. E-mail: Toyokawa @meiji.ac.jp*

Acknowledgement: *The author of this paper expresses his gratitude to the librarians of Meiji University and the Finland State Library, and Sergei Tolstoguzov who helped to translate this paper. The research was supported by Meiji University and Japan Society for the Promotion of Science.*

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*